

Томский Государственный Университет

**КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

научное издание

Томск, 2007

УДК 159.9:316.6
ББК 88.5

*Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
Томского государственного университета*

Коммуникативное измерение в психологической антропологии:
Коллективная монография. Под науч. ред. В.И. Кабрина. – Томск:
изд-во «Иван Федоров», 2007. – 336 с.

ISBN 978-5-91079-012-8

В книге представлен комплекс специфических понятий: коммуникативный подход, коммуникативный мир, транскомуникация, транскомуникативный универсум, перформансная, внутренняя, креативная, неконформистская коммуникация, объединяемые общим направлением в качестве коммуникативного измерения в масштабе психологической антропологии. В контексте такого измерения анализируются и исследуются проблема человеческого творчества, личностного роста и развития личностной идентичности, образы детства и образы будущего молодежных неформальных объединений, политической ментальности, жизни в искусстве и проблема психолого-антропологического понимания сущности человека. В духе постмодерна анализируется постметодологическая перспектива понимания и исследования уникальной транскомуникабельности человеческой жизни.

Книга предназначена для психологов и представителей других гуманитарных специальностей.

УДК 159.9:316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-91079-012-8

© Томский Государственный Университет, 2007
© Издательство «Иван Федоров», 2007

Коммуникативная природа образа политической власти

Восприятие политической власти является одним из сложнейших процессов, определяющих взаимоотношения политической системы и человека. С точки зрения социальной значимости, актуальность данной работы определяется обращением к исследованию политического сознания, которое в настоящее время активизируется и трансформируется: сфера политики становится важной для граждан России в контексте не только их общественно-политической, но и социально-экономической жизни. И поэтому естественно, что различные проблемы, относящиеся к области политической психологии, все чаще становятся предметом научных исследований (Образ власти..., 2004). Подобные работы посвящены изучению политического мышления, политических установок, образа власти и проч., предметом же нашего исследования является взаимосвязь образа политической власти с такими психологическими особенностями людей, как смысложизненные ориентации, гендерные особенности и макиавеллизм.

В современной социально-психологической литературе уже сложилась, несмотря на недолгую историю исследований, традиция рассматривать процесс восприятия такого социального объекта, как политическая власть, в рамках теорий социального познания (Г.М. Андреева, 2000; С.А. Липатов, 1999) и концепций политической культуры (Образ власти..., 2004; G. Almond, 1956; L. Pye, S. Verba, 1965), однако, полученные нами результаты дают возможность говорить о том, что в качестве объяснительной модели для анализа этого процесса может выступать и коммуникативный подход (П. Вацлавик и др., 2000; В.И. Кабрин, 2005; О.И. Муравьева, 2001, 2002, 2003; А.У. Хараш, 1979). С точки зрения этого подхода, можно говорить о том, что человек воспринимает власть как реального или потенциального партнёра для коммуникации, соответственно, образ власти строится по принципам коммуникативного процесса, в частности, в со-

ответствии с принципами комплиментарности, или дополнителности. Поясним это положение на следующем примере: поскольку феминизация и маскулинизация может рассматриваться как некая стереотипизация восприятия себя и окружающей действительности, то становится возможным предположение, что коммуникативный процесс в данном случае осуществляется на уровне интракоммуникации в терминах коммуникативной модели В.И. Кабрина (2005) или субъект-объектного взаимодействия в терминах А.У. Хараша (1979), где действует принцип дополнителности, т.е. позиции участников существуют в форме восполнения дефицитов по отношению друг к другу.

В нашем исследовании приняли участие 35 человек, жителей г.Томска (12 женщин, 23 мужчины), в возрасте от 20 до 51 года. Для выявления особенностей образа политической власти респондентов были использованы следующие методики: проективная методика «Психологический рисунок: Образ власти в современной России» (Т.В. Фоломеева, О.М. Бартенева, 2000), полуструктурированная беседа на тему «Власть в современной России», опросник Mach-4 (мак-шкала) (В.В. Знаков, 2001), тест смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев, 2000), опросник С.Бэм (Практикум по..., 2003). Для статистической обработки данных мы применяли критерий Манна-Уитни, позволяющий обнаружить достоверные различия в группах.

В начале рассмотрим образ политической власти людей, относящихся к маскулинной группе. В соответствии с принципом комплиментарности индивид маскулинного типа в противоположность своим качествам заинтересован в партнере феминного типа для осуществления коммуникации. Маскулинность традиционно связывается с понятием силы, твёрдости, уверенности, и если человек оценивает себя таким образом, то он не нуждается в сильной власти в качестве компенсации, возможно, этим объясняется тот факт, что идеальная власть в представлении маскулинных респондентов андрогинизируется ($U=9,5$, $Z=-1,708$, $p=0,08$), то есть наряду с маскулинными характеристиками обла-

дает также и выраженными феминными чертами, связанными с мягкостью, эмпатичностью и слабостью. В образе же реальной политической власти доминируют маскулинные характеристики ($U=5,0$, $Z=-1,859$, $p=0,062$). Можно предположить, что для людей маскулинного типа базовым в данном случае является желание не слабости власти, а её умения коммуницировать, оказывать помощь, поддержку, проявлять понимание. Говоря об эмоциональных компонентах образа власти маскулинных респондентов, можно сказать, что этот образ непривлекателен, власть оценивается негативно ($U=8,0$, $Z=-1,745$, $p=0,058$), не обладает высокой значимостью для людей маскулинного типа, то есть не играет для них особой роли ($U=6,0$, $Z=-2,049$, $p=0,021$). Анализ когнитивных параметров образа власти маскулинными индивидами показывает, что их восприятие власти является более конкретным (чем у феминных и андрогинных респондентов), для них власть оформлена как некая фигура или персонаж (человек, человекообразное существо, животное и т.п.), наделенный определенными, довольно конкретными качествами: управляющий, приказывающий, довлеющий, присваивающий различные блага, то есть власть персонифицируется и зачастую мифологизируется ($U=5,0$, $Z=2,195$, $p=0,028$). Кроме того, образ власти маскулинных респондентов достаточно сложен, нестереотипен, проявляется рациональность в восприятии власти (например, власть изображается в качестве некой структуры, иерархии) ($U=9,0$, $Z=1,788$, $p=0,083$). При этом испытуемые с выраженными маскулинными качествами обращают больше внимания на негативные стороны образа власти: её эгоистичность, молчаливость, замкнутость, независимость, враждебность ($U=8,5$, $Z=1,749$, $p=0,075$). Власть представляется им довольно сильной, но статичной и не вызывает у них интереса ($U=8,0$, $Z=-1,756$, $p=0,048$). Можно констатировать, что по отношению к такому социальному феномену, как политическая власть у людей с выраженными маскулинными чертами сложилась установка, когнитивным компонентом которой является восприятие власти как эгоистичной, персонифицированной,

сильной и замкнутой, аффективным компонентом – отрицательное к ней отношение, малая значимость власти для них, ощущение, что её негативные черты невозможно исправить, и поведенческим компонентом – отсутствие интереса к ней. Власть – это сильный партнёр, и её гендерный тип, как отмечалось выше, с точки зрения маскулинных индивидов, также является маскулиным. Видимо, в соответствии с принципом дополнительности в коммуникации существующая политическая власть не устраивает маскулинных индивидов, так как воспринимается в определённом смысле как конкурент, некое препятствие на пути проявления собственных сильных черт, следовательно, возникает и враждебное к ней отношение, и отсутствие заинтересованности и значимости.

Теперь перейдём к рассмотрению образа политической власти феминных респондентов. Люди с выраженными феминными чертами оценивают власть не столь негативно, как маскулинные индивиды, их образ власти в целом более позитивен и привлекателен ($U=17,5$, $Z=1,780$, $p=0,075$), а сама власть достаточно значима для них ($U=4,5$, $Z=3,031$, $p=0,002$). Несмотря на дистанцированность власти от народа, которая с большей частотой подчёркивается именно в работах испытуемых, относящихся к феминному типу ($U=16,5$, $Z=-1,876$, $p=0,06$), для последних характерна высокая заинтересованность относительно власти ($U=8,0$, $Z=2,694$, $p=0,007$). Она воспринимается ими эмоционально, обобщённо ($U=16,5$, $Z=1,536$, $p=0,085$), как нечто абстрактное и неопределённое, символичное, но не стереотипное при этом ($U=17,0$, $Z=-1,828$, $p=0,067$). Образ политической власти людей с выраженными феминными чертами также достаточно сложен, хотя несколько проще, чем образ андрогинных или маскулинных респондентов. Кроме того, можно говорить о склонности феминных испытуемых обращать внимание на слабые стороны и черты власти, такие как нерешительность, вялость, неуверенность, слабость, пассивность ($U=6,0$, $Z=1,787$, $p=0,073$). Если рассматривать отношения с властью как коммуникативный процесс, то можно

предположить, что феминные респонденты по принципу взаимодополнения нуждаются в сильном партнере, от которого ждут уверенности, конкретности, жёсткости, каковым и должна быть власть, видимо, поэтому феминные индивиды очень в ней заинтересованы, она для них значима. Однако реальная ситуация такова, что они не чувствуют и не видят каких-либо конкретных действий по улучшению жизни, вышеозначенные черты не проявляются, акцентируются скорее противоположные, слабые стороны власти, и, видимо, поэтому феминные индивиды подчёркивают дистанцию между властью и простыми людьми, к которым они причисляют и себя, и, следовательно, сами дистанцируются от неё.

Далее следует отметить, что для респондентов, обладающих либо ярко выраженными и традиционно женскими, и традиционно мужскими характеристиками (андрогинов), либо одинаково невыраженными и теми, и другими (недифференцированных), такой объект как власть неинтересен и незначим ($U=8,5$, $Z=2,646$, $p=0,008$; $U=9,0$, $Z=2,598$, $p=0,009$), их отношение к ней скорее нейтральное ($U=18,0$, $Z=1,732$, $p=0,083$), нежели позитивное или негативное, они склонны в большей степени оценивать власть как самостоятельную, невозмутимую ($U=18,0$, $Z=-1,738$, $p=0,08$), поскольку и для них самих она не является особо значимым образованием, при этом недифференцированные индивиды чаще, чем другие оценивают расстояние между субъектом и объектом власти скорее как близкое ($U=14,5$, $Z=1,858$, $p=0,09$). Это может объясняться, с одной стороны тем, что андрогинные индивиды более самодостаточны в плане обладания и маскулинной силой, и феминной мягкостью, направленностью на межличностное общение, развитыми социальными навыками, поэтому им власть не нужна для компенсации этих качеств, следовательно, не интересна и не имеет значимости, при этом андрогинные индивиды воспринимают власть как сложную конструкцию ($U=10,5$, $Z=1,788$, $p=0,073$), с большей частотой ими подчёркивается её агрессивность ($U=4,0$, $Z=1,756$, $p=0,078$). Эти компоненты сходны с компонентами образа власти маскулинных респондентов, однако, оттенки их отно-

шения к власти различны: андрогины к ней скорее равнодушны, они видят как положительные, так и отрицательные её стороны, но как партнёр для выстраивания коммуникации и компенсации власть им просто не нужна, тогда как респонденты маскулинного типа находятся с ней в конкурентно-враждебных отношениях. С другой стороны, возможно, у индивидов недифференцированного типа слабо развито самосознание, как себя, так и окружающих, что также определяет отсутствие значимости для них политической власти и интереса к ней. Кроме того, вероятно, простоту и когнитивную бедность образов власти, невыраженность её характеристик (таких, как агрессивность, сила или слабость, например), неопределённость, неоднозначность отношения к ней, наиболее очевидную цветовую скудность рисунков респондентов, чей тип был определён как недифференцированный, можно объяснить отсутствием или несформированностью необходимых когнитивных инструментов для понимания такого социального явления как власть. Они видят, что власть существует, но не воспринимают её как партнёра для коммуникации, по большому счёту, мало что о ней знают, не интересуются и не коммуницируют с ней.

Проанализируем особенности образов идеальной и реальной власти в зависимости от параметров опросника «Смысложизненные ориентации» (СЖО). Говоря о людях с низкими показателями по субшкалам методики, следует отметить, что респонденты с низкими показателями по субшкалам «Цели жизни» ($U=14$; $Z=1,89$; $p=0,05$), «Результат» ($U=49$; $Z=1,70$; $p=0,08$), «Локус контроля-жизнь» ($U=7$; $Z=-2,19$; $p=0,02$) и «Общий показатель осмысленности жизни» ($U=8,5$; $Z=1,86$; $p=0,06$) подчеркивают непривлекательный характер власти для них. Также стоит подчеркнуть, что люди с низкими показателями по субшкалам «Цели жизни» ($U=13$; $Z=1,74$; $p=0,06$) и «Локус контроля-Я» ($U=11$; $Z=1,67$; $p=0,04$) методики СЖО, отмечают статичность, бездействие и некоторую косность власти. Кроме того, респонденты с низкими показателями по шкалам «Результат» ($U=10$; $Z=-1,80$; $p=0,07$) и «Локус контроля-жизнь» ($U=9,5$; $Z=1,65$; $p=0,08$)

персонифицируют власть, при этом часто мифологизируя ее. Образ власти индивидов с низкими баллами по субшкалам «Процесс жизни» ($U=25,5$; $Z= -2,18$; $p=0,02$) и «Локус контроля-Я» ($U= 19$; $Z= -1,78$; $p=0,04$) часто отличается когнитивной бедностью, однотипностью символов и стереотипизацией. Судя по полученным результатам, люди, получившие низкие баллы по субшкалам СЖО, приписывают власти такие характеристики, как: молчаливая, упрямая, замкнутая, эгоистичная, независимая, враждебная и нелюдимая ($U=50$; $Z= -1,65$; $p=0,07$). Нами было обнаружено, что люди с низкими показателями по методике СЖО, то есть с меньшей осмысленностью и удовлетворенностью жизнью, приписывают образу политической власти характеристики, противоположные себе, то есть дополнительные. В соответствии с этим можно говорить о том, что люди с меньшей осмысленностью себя и собственной жизни вступают в отношения с властью и выстраивают их по принципу комплиментарности, или дополнительности, что соответствует интракоммуникативному уровню или уровню субъект-объектного взаимодействия в терминологии В.И. Кабрина (2005) или А.У. Хараша (1979) соответственно. Вероятно, такие люди нуждаются в более сильном, чем они сами, партнере, на которого можно переложить ответственность за свою жизнь и проблемы.

В противоположность респондентам с низкими баллами по СЖО люди с высокими показателями по субшкалам «Цели жизни», «Локус контроля-жизнь», «Общий показатель осмысленности жизни» воспринимают власть чаще в привлекательном свете. Кроме того, респонденты с высокими баллами по «Цели жизни» и «Локус контроля-Я» подчеркивают внутреннюю динамику, деятельностную направленность власти, отмечая, однако, что действия последней направлены на ее собственное обогащение. Абстрактность власти, отсутствие каких-либо конкретных указаний на властью обладающего и функций власти как таковой отмечают респонденты, получившие высокие баллы по субшкале «Результат» методики СЖО. Нами было обнаружено, что люди с высокими показателями

по субшкалам методики СЖО, оценивают власть как нерешительную, вялую, неуверенную, несамостоятельную, слабую и пассивную ($U=43$; $Z= 1,77$; $p=0,05$). Как показало наше исследование, индивиды, набравшие высокие баллы по СЖО, свои отношения с идеальной властью видят в возможности выстраивать с ней партнерские отношения, однако, оценивая реальную власть как слабую, пассивную, нерешительную и т.д., мало интересуются такой властью, поскольку не видят возможности взаимодействовать с ней по принципу равенства. Из вышесказанного следует, что индивиды с более высоким уровнем осмысленности и удовлетворенности жизнью готовы выстраивать свои отношения с властью на интеркоммуникативном уровне, однако сама власть, с их точки зрения, пока не обладает таким потенциалом.

Теперь перейдем к рассмотрению образа политической власти людей с различной степенью выраженности склонности к манипулированию другими. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что макиавеллисты воспринимают власть как агрессивную ($U=20$; $Z=1,81$; $p=0,06$). Они приписывают ей те же характеристики, что и люди с низкими показателями по субшкалам СЖО, то есть: молчаливая, упрямая, замкнутая, эгоистичная, независимая, враждебная и нелюдимая ($U=16$; $Z=1,93$; $p=0,08$). Макиавеллисты, в отличие от людей, менее склонных к манипуляции, чаще изображают сложный, нетривиальный образ власти и обязательно народ, на который эта власть направлена и который она, как правило, угнетает ($U=18$; $Z=2,10$; $p=0,03$). Как оказалось, люди, менее склонные манипулировать другими, воспринимают власть безотносительно народа, как не особо значимое для них образование, и, видимо, потому не видят или не имеют возможности и желания вступать с ней в какие-либо отношения. Наше исследование показало, что макиавеллисты идентифицируют себя с властью, они не выстраивают с ней каких-либо отношений, поскольку, возможно, они сами стремятся обладать ею.

Подводя итоги, ещё раз подчеркнём, что, на наш взгляд, полученные данные позволяют сделать общий вывод о возможности исследования проблем политического сознания с позиции коммуникативного подхода: отношения респондентов с политической властью представляют собой процесс коммуникации, где действуют принцип взаимодополнительности участников этого процесса. В соответствии с этим, маскулинные индивиды воспринимают власть как некоего конкурента, и нуждаются в более мягкой, обладающей также и феминными чертами. Феминные же респонденты заинтересованы в сильном субъекте коммуникации в лице власти, однако, дистанцируются от неё, так как видят скорее её слабые стороны. Андрогины не нуждаются во власти для компенсации тех или иных черт, власть для них незначима. У респондентов недифференцированного типа недостаточно сформированы необходимые когнитивные инструменты для познания и понимания власти как партнёра для коммуникации, поэтому сама власть незначима, а её образ неконкретен и когнитивно прост. Также следует отметить, что люди с низкими показателями по методике СЖО наделяют образ политической власти характеристиками, противоположными своим собственным, выстраивая отношения с властью по принципу комплиментарности. Респонденты с высокими показателями по СЖО, стремясь к партнерским отношениям, не обнаруживают у власти готовности выйти на подобный уровень коммуникации и потому не интересуются ей. Кроме того, как показало исследование, макиавеллисты не вступают с властью в какие-либо отношения, а идентифицируют себя с ней; люди, менее склонные манипулировать другими, не интересуются властью как субъектом для коммуникации.

Литература

- Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000.
- Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
- Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
- Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). М.: Смысл, 2000.
- Липатов С.А. Организационная культура: Социальное познание в организационном контексте // Мир психологии. 1999. №3. С. 56-68.
- Муравьева О.И. Коммуникативная компетентность как проблема общей психологии // Сибирский психологический журнал. 2001. Вып. 14-15. С. 27-41.
- Муравьева О.И. Уровни общения и основные коммуникативные стратегии // Сибирский психологический журнал. 2002. Вып. 16-17. С. 7-12.
- Муравьева О.И. Стратегии общения в структуре коммуникативной компетентности: Учебник. – Томск: Томский государственный университет, 2003.
- Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клещиной. СПб.: Питер, 2003.
- Фоломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2000. №2. С. 27-39.
- Хараш А.У. Личность, сознание и общение: к обоснованию интерсубъектного подхода в исследовании коммуникативных воз-

действий // *Психолого-педагогические проблемы общения*. М.: «Наука», 1979. С. 112-133.

Образы власти в постсоветской России: Политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Алтейя, 2004.

Almond G. *Comparative Political System* // *Journal of politics*, 1956. vol. 18. N 13.

Pye L., Verba S. (eds.) *Political culture and political development*. Princeton: Univ.Press, 1965.